

В. Г. Романовский

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

СОВЕТСКАЯ ДОКТРИНА ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА¹

Аннотация. В статье рассматривается советская традиция понимания взаимоотношений личности и государства, что обуславливало особый подход к пониманию прав человека, пределов их реализации и допустимых ограничений. Конституции советского периода не предусматривали сам институт ограничений, поскольку исходили из общего посыла, согласно которому права советских граждан предоставляются государством. Это означало, что дозволённый объём правомочий и есть границы правомерного поведения. При таком подходе государство не ограничивало права человека, а предоставляло определённую степень свободы. Характер прав личности, а также их объём был напрямую связан с социальной сущностью советского государства, его целями и задачами. Кроме того, советская доктрина изначально противопоставляла себя западноевропейским идеям о неотъемлемых и неотчуждаемых правах человека, принадлежащих каждому от рождения и вне зависимости от закрепления в основном законе.

Ключевые слова: права человека, доктрина, советский период, государство, пределы, субъективное право.

V. G. Romanovsky

Penza State University, Penza, the Russian Federation

SOVIET DOCTRINE OF RESTRICTIONS ON HUMAN RIGHTS

Abstract. The article discusses the Soviet tradition of understanding the relationship between the individual and the state, which led to a special approach to understanding human rights, the limits of their implementation and permissible restrictions. The constitutions of the Soviet period did not provide for the institution of restrictions itself, since they proceeded from the general premise that the rights of Soviet citizens were granted by the state. This meant that the permissible amount of authority was the boundary of legitimate behaviour. With this approach, the state did not restrict human rights, but provided a certain degree of freedom. The nature of individual rights, as well as their scope, was directly related to the social essence of the Soviet state, its goals and objectives. In addition, the Soviet doctrine initially opposed itself to Western European ideas about the inalienable and inalienable human rights that belong to everyone from birth and regardless of whether it is fixed in the fundamental law.

Key words: human rights, doctrine, Soviet period, state, limits, subjective law.

Советские конституции закрепляли базовые права человека, уделяя особое внимание социальным, культурным, экономическим правам. Этим она заметно отличалась от западной системы ценностей, в рамках которой данным правам вообще не приписывались свойства прав человека. Считалось, что их содержание зависит от экономических возможностей государства. Значит, им несвойственны такие признаки как неотъемлемость, неотчуждаемость, естественность.

Советская доктрина представляла также собственное видение права и государства: «Государство всегда было и есть аппарат принуждения, насилия, с помощью которого господствующие классы держат в повиновении своих подданных» [1, с. 13]. Во главе советского государства устанавливалась диктатура

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-03-00071-ОГОН.

пролетариата, воля которого освящала любые политические и правовые решения. Показательно, что во всех учебниках по советскому государственному праву глава, посвященная правам и обязанностям граждан СССР, находилась после всех глав, раскрывающих статус органов государственной власти, основы общественного и политического устройства, экономической системы страны. В них констатировалось подлинное освобождение трудящихся и подвергалась критике западная доктрина. Б. Я. Арсеньев в своем диссертационном исследовании выделял: «Расскажем правду, и только правду о правах советского человека. Всеми миру станет ясно, что истинная и подлинная свобода существует только в стране социализма, что только здесь процветают новая, истинная прогрессивная культура, новая философия, новое искусство» [2]. Подобный подход был весьма распространен и, к сожалению, заслонял собой любые научные исследования, направленные на изучение содержания прав человека, пределы их реализации, основания допустимых ограничений. Более того, советские конституции не содержали специальных норм, посвященных ограничениям прав. Не закреплялись даже общие принципы ограничений. При таком подходе о них не могло быть и речи. Государство изначально объявляло курс на расширение свободы. Так, газета «Правда» первую Конституцию РСФСР 1918 г. назвала «Евангелием для пролетариата всех стран» [3, с. 86].

В начале становления советской доктрины существовало немало сторонников отрицания субъективных прав, признававших только объективное право. Если теория отрицала наличие субъективных прав, то нельзя было признать и их ограничения. Однако общие принципы научного познания корректировали идеологические постулаты (может, не сразу, но последовательно). Юридическая наука того времени все-таки шла в поступательном развитии: от признания правоотношений к реалии субъективных прав, а дальше - к расширению представленных понятий. Это дало возможность в дальнейшем выделять не только ограничения (произошло гораздо позже), но и гарантии прав, структуру и содержание субъективного права, корреспондирующие обязанности и др. На тот момент субъективные права признавались следствием объективного права. «Таким образом, субъективное право возникает только на базе объективного права и поэтому тесно связано с ним. Оно несет в себе основные черты объективного права классово-волевою обусловленность, принудительный характер, нормативную предопределенность. В то же время, возникнув на базе объективного права, субъективное право становится самостоятельным явлением. Оно вторично по отношению к объективному праву, у него свой самостоятельный процесс образования, свои связи со смежными явлениями, свое индивидуальное содержание» [4, с. 10], – указывал Д. М. Чечот.

В последующем в институт прав и обязанностей граждан стали включаться гарантии. Выделялся интерес как условие появления субъективного права, которое рассматривалось как объективный процесс, при котором государство как бы открывает новые права, благодаря чему происходит их закрепление. Личность занимала второстепенное место в системе ценностей, поэтому уделять особое внимание допустимости ограничений не имело большого смысла в такой системе координат [5]. Позднее Н. А. Шайкенов интерес определял «не только исходным мотивационным звеном активной законодательной деятельности, но и определяющим элементом самого содержания права» [6]. В другой своей работе (монографического характера) Н. А. Шайкенов рассматривал юридический аспект личности как взаимосвязь государства и индивида общими правовыми отношениями, сущность которых заключается в наличии у обеих сторон определенных прав и обязанностей [7, с. 103]. Кстати, в настоящее время категория интереса в конституционном праве утратила свою былую привлекательность, что вряд ли можно признать позитивным фактором.

Подобная трактовка имеет право на существование. В ней ограничения отодвигаются общей категорией – обязанностью. Их возложение может осуществляться

с помощью отраслевого законодательства (А. П. Иванов) [8, с. 73]. В. А. Патюлин вообще считал, что ограничения права возможны только как незаконные действия (правомерно ограничить можно только возможности) [9, с. 164].

Характер прав личности, а также их объем был напрямую связан с социальной сущностью советского государства, его целями и задачами [10]. Основная канва любого научного исследования – права предоставляются государством. Соответственно, приоритет инициативы государственных органов обуславливает вторичность социальных притязаний граждан. Понятно, что ограничения прав граждан не могли быть предметом анализа научных работ, тем более, когда в каждой из них базовый тезис строился на постоянном развитии и расширении прав и свобод советских граждан.

В условиях марксистского толкования свободы как осознанной необходимости специальное выделение института ограничений прав человека было абсолютно излишним. Реализация прав рассматривалась изначально как самоограничение. «Абсолютизация свободы воли собственника и его эгоистического интереса, полное игнорирование того, что рамки господства индивида определены общим интересом господствующих в государстве социальных сил, – все это свойственно буржуазному пониманию субъективного права, которое стало в XIX в. «центральной идеей частного права», – отмечал Л. С. Явич [11, с. 180]. Объективное право, закрепляя субъективные права (признаваемые государством), устанавливало в первую очередь «пределы господства собственной воли и собственной возможности». В. А. Кучинский определял личность как индивида, сознательно определяющего свое деятельное отношение к окружающему миру [12, с. 27]. М. Ф. Орзих систематизировал понимание правового положения личности в рассматриваемый исторический период и указал: «Наряду с обычными представлениями о правовом положении личности как совокупности прав и обязанностей было предложено включить в правовое положение также гарантии прав – обязанностей (А. И. Лепешкин), общую (статутную) ответственность личности перед государством и обществом (Н. И. Матузов), а в правовой статус – гражданство, правоспособность, принципы (Л. Д. Воеводин), интересы личности (Н. И. Витрук)» [13, с. 39]. Ограничение в данном аспекте не рассматривались.

Н. И. Матузов, представивший целостную концепцию структуры субъективного права (право-поведение, право-требование, право-пользование, право-притязание), определял само понятие следующим образом: «Субъективное право – мера гарантированной возможности, и эта гарантированность как раз обеспечивает надлежащую защиту и реализацию субъективного права. Управомоченный в случае нарушения его права или неисполнения обязаным лицом лежащей на нем обязанности всегда может обратиться к содействию государства, которое в любом случае восстановит справедливость» [14, с. 111]. Позднее ученый развил свою теорию: «Субъективное право, между прочим, можно определить и не обращаясь к категории возможности, а использовать понятия дозволенности, допустимости, разрешенности, обеспеченности, гарантированности государством реальных полномочий субъекта» [15, с. 33]. Н.И. Матузов всегда подчеркивал, что субъективное право не может служить способом разрушения правопорядка. Оно не должно служить средством противостояния публичной власти. Нельзя принимать идеалистические концепции, согласно которым человек обладает в обществе безграничной свободой [16; 17].

Р. О. Халфина шла в своем исследовании иным путем: от анализа правоотношения, «как понятия, выражающего реализацию правовой нормы в конкретных общественных отношениях» [18, с. 16]., напрямую связанного с субъективным правом. Но и в этом случае автор не отходила от идеологических принципов, представляя право как результат субъективного осознания господствующим классом объективной необходимости [18, с. 23]. Если само право понималось как реальность, как существующее соотношение общественных сил, то и ограничения не

могли выделяться в самостоятельный институт, поскольку они тем самым противопоставлялись социалистическому реализму. Тогда следовало бы согласиться с основными позициями буржуазной теории прав человека: права человека – некий барьер произволу со стороны органов государственной власти; ограничения прав человека могут вводиться в строго определенных целях; свобода – не осознанная необходимость, а нечто иное, позволяющее устанавливать постулат о разрешении любых прямо незапрещенных действий и т.д. Подобные тезисы повлекли за собой не просто критику, а определенные оргвыводы (в 30-е гг. прошлого столетия вплоть до репрессий). Однако в условиях идеологической догматики юриспруденция не деградировала. Совершая политические реверансы, правовая наука развивалась. По сути анализ базовых понятий готовил к последующей концепции ограничений прав человека, которая уже состоялась в условиях новой российской Конституции 1993 г. [19, с. 25–28; 20 с. 15–17].

Таким образом, основная научная дискуссия происходила вокруг понятий свободы, субъективного права, обязанностей граждан. Г.В. Мальцев отмечал одну сторону (право – свобода действия в границах): «Субъективное право гражданина предоставляет ему свободу действовать в границах, определенных нормой права, действовать в известном направлении, удовлетворять, реализовать определенные интересы и цели, совершать поступки по своей инициативе и по своему усмотрению» [21].

Б. С. Эбзеев обращал внимание на иной, не менее значимый аспект (право – свобода от произвола органов государства): «Личная свобода формулируется в личных конституционных и иных личных правах и в самом общем плане включает в себе две стороны: свободу от произвольного вмешательства государственных и общественных органов и должностных лиц; свободу от произвольного вмешательства частных лиц» [22, с. 11]. Пожалуй, это был первый шаг к признанию необходимости гарантий защиты прав граждан от произвола со стороны публичных институтов. До этого времени сама постановка вопроса могла считаться буржуазной, идеологически не выдержанной. Позднее Б. С. Эбзеев представил концепцию «золотого правила поведения», в рамках которой основной акцент должен уделяться взаимным обязанностям человека и государства, а также взаимным самоограничениям. Им же была обоснована социальная солидарность как основа взаимной ответственности личности и общества [23, с. 14–23; 24, с. 31–42].

От свободы личности отталкивался и А. П. Горшенев, но связывал ее со свободой общества в целом (следуя идеологическим установкам): «Иначе говоря, до тех пор, пока в обществе не уничтожена эксплуатация человека человеком, не может быть и речи о свободе для всех членов этого общества» [25]. Автор отстаивал точку зрения, согласно которой личные конституционные права и обязанности являются субъективными, реальными, абсолютными. Относительно последней характеристики следует отметить, что абсолютные права – это те, которые осуществляются, как правило, «в рамках так называемых «абсолютных» или «общих» правоотношений». Н. С. Малейн специально отмечал, что личные права – абсолютные, все другие лица обязаны уважать и не нарушать эти права управомоченного [26, с. 26]. Сейчас в конституционной доктрине абсолютные права определяются как не подлежащие ограничению.

Различными учеными представлялись попытки расширения взгляда на проблему прав советских граждан. Н.В. Витрук констатировал: «В то же время ослаблено внимание к категориям, отражающим различные (и специфические) стороны правового положения личности. Речь идет, в частности, о правах, обязанностях и законных интересах, взятых в системе, об их гарантиях, гражданстве, правосубъектности личности» [27, с. 10].

В 80-х годах прошлого столетия все сильнее звучит в научных работах тезис о том, что обеспечение прав человека и гражданина в отраслевом законодательстве не может происходить произвольным путем [28, с. 47]. Ф. М. Рудинский,

очерчивая теоретические проблемы личных конституционных прав, указывал на их базовые характеристики; определял сущность личной свободы, ее социальную ценность, сферу осуществления и особенности правового регулирования общественных отношений, возникающих в этой сфере; давал характеристику их социально-политического назначения; сформулировал особенности юридической природы указанных прав, их внутренней структуры, форм реализации; выявил систему гарантий, обеспечивающих эти права в целом, а также гарантии каждого в отдельности [29]. Но и в данном случае ни в одной задаче исследования не было указаний на выделение базовых ограничений прав человека, их пределов, принципов введения.

Л. А. Пустобаева соглашается, что «наиболее распространена (с некоторыми вариациями и дополнениями) дефиниция, согласно которой субъективное право есть установленная и обеспеченная законом мера, вид возможного (дозволенного) поведения субъекта права» [30, с. 47]. Автор указывает на сочетание личных и общественных интересов, продолжая канву о расширении границ личного усмотрения.

В этот период обостряется и политическая борьба, где ситуация с правами человека в Советском Союзе выходит все чаще на мировые площадки обсуждения. Советский подход не изменялся: государство само определяет границы прав и свобод граждан, находящихся на его суверенной территории. В связи с этим любые ограничения, исключения – порождение буржуазной концепции, пытающейся за маской путанных формулировок нивелировать истинные свободы, которые могут быть реализованы только в условиях социалистического общества [31, с. 10–11]. Советская доктрина отрицала неизменный и «вечный» характер естественных прав человека, четко стоя на позиции диалектического материализма. Марксистская наука всегда подчеркивала зависимость человека от социальных условий и факторов. Бытие определяет сознание – один из базовых законов. Если свобода есть осознанная необходимость, то действия социалистического государства, свергнувшего главное зло – эксплуатацию человека человеком, в рамках текущего регулирования не могли ограничиваться искусственными барьерами. Д.А. Керимов указывал на обязательность включения в понятие свободы трех органически связанных между собой компонентов: 1) познание необходимости; 2) действия в соответствии с познанной необходимостью; 3) действия в интересах общества и всех его членов [32, с. 417, 420, 470].

Подведем итоги исследования:

1. Отсутствие указания на возможность ограничений прав человека и гражданина являлось определенной традицией советских конституций, делавших основной акцент на гарантированность прав, их материальное обеспечение.

2. Основной постулат строился не столько на возможности ограничений прав человека и выделении их в самостоятельный институт советского конституционализма, сколько на понимании права как формы реализации прав и свобод. При таком подходе законодатель заранее не связывал себя какими-либо параметрами. Любое усмотрение законодателя изначально определялось как легитимное и соответствующее принципам правового регулирования.

3. Советская доктрина исходила из особого понимания права как воли господствующего класса. Предполагалось, что сама реализация принципа отказа от эксплуатации человека человеком привносит элемент истинной свободы. В то же время признавалась динамика в открытии государством прав гражданина, которая обуславливала появление новых прав на основе формирования интересов (С. Сабикенов, Н. А. Шайкенов), раскрытия «предправа» (Л. А. Пустобаева). Наличие прав и их объем напрямую связывался с социальной сущностью государства. Основным исходным моментом в закреплении прав гражданина считалась инициатива государства. Позитивно определяемое содержание прав означало границы дозволенного (разрешенного) поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советское государственное право / под общ. ред. А. Я. Вышинского. — Москва : Юриздат, 1938. — 652 с.
2. Арсеньев Б. Я. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе: дисс. ... докт. юрид. наук / Б. Я. Арсеньев. — Москва, 1947. — 24 с.
3. Чхиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека (Ленинские идеи и современность) / В. М. Чхиквадзе. — Москва : Наука, 1978. — 304 с.
4. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. — 72 с.
5. Сабикенов С. Сочетание общественных и личных интересов в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Сабикенов — Москва, 1969. — 16 с.
6. Шайкенов Н. А. Категория интереса в советском праве: право как средство реализации интересов личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Шайкенов. — Свердловск, 1980. — 16 с.
7. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности / Н. А. Шайкенов. — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1990. — 199 с.
8. Конституция СССР и правовое положение личности: материалы конф. / редкол. : Чхиквадзе В. М. (пред.) [и др.]. — Москва : Институт государства и права, 1979. — 174 с.
9. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР / В. А. Патюлин. — Москва : Наука, 1974. — 246 с.
10. Основы Советского государства и права: учебник для пед. ин-тов / С. Н. Бра-тусь, В. С. Андреев, А. И. Лепешкин [и др.]. — Москва : Просвещение, 1970. — 375 с.
11. Явич Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. — 287 с.
12. Кучинский В. А. Личность, свобода, право. — Москва : Юридическая литерату-ра, 1978. — 207 с.
13. Орзих М. Ф. Личность и право / М. Ф. Орзих. — Москва : Юридическая литера-тура, 1975. — 111 с.
14. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъек-тивного права / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1972. — 292 с.
15. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2003. — 510 с.
16. Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилиз-ма / Н. И. Матузов // Правовая культура. — 2013. — № 1 (14). — С. 8–18.
17. Матузов Н. И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности (окончание) / Н. И. Матузов // Правовая культура. — 2016. — № 1 (24). — С. 23–33.
18. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — Москва : Юридическая литература, 1974. — 351 с.
19. Романовский Г. Б. Права человека в советской юридической науке 70-90-х го-дов прошлого столетия / Г. Б. Романовский // Юридическое образование и наука. — 2005. — № 2. — С. 25–28.
20. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституци-ях, законе и юридической науке / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2016. — № 4. — С. 15–27.
21. Мальцев Г. В. Социалистическое общенародное право и свобода личности : ав-тореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. В. Мальцев. — Москва, 1966. — 23 с.
22. Эбзеев Б. С. Советское государство и права человека: конституционные вопро-сы / Б. С. Эбзеев; под ред. И. Е. Фарбера. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1986. — 180 с.
23. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического ис-следования // Б. С. Эбзеев. — Москва : Проспект, 2014. — 336 с.
24. Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия рос-сийского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 11. — С. 14–23.
25. Горшенев А. П. Личные конституционные права советских граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Горшенев. — Саратов, 1972. — 17 с.

26. Малейн Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР / Н. С. Малейн. — Москва : Юридическая литература, 1981. — 216 с.
27. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности (к методологии вопроса) / Н. В. Витрук // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1979. — № 3. — С. 10–17.
28. Конституционные права и обязанности советских граждан / отв. ред. А. П. Таранов. — Киев : Наук. думка, 1985. — 248 с.
29. Рудинский Ф. М. Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Рудинский Ф. М. — Москва, 1980. — 32 с.
30. Пустобаева Л. А. О понятии субъективного права / Л. А. Пустобаева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1984. — № 3. — С. 47–54.
31. Карташкин В. А. Международная защита прав человека (Основные проблемы сотрудничества государств) / В. А. Карташкин. — Москва : Междунар. отношения, 1976. — 221 с.
32. Керимов Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. — Москва : Мысль, 1972. — 472 с.

REFERENCES

1. Vyshinsky A. Ia. (ed.) *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo* [Soviet State Law]. Moscow, Iurizdat Publ., 1938, 652 p.
2. Arsen'ev B. Ia. *Garantii prav lichnosti v sovetskom ugolovnom protsesse: diss. ... dokt. iurid. nauk* [Guarantees of individual rights in Soviet criminal proceedings: diss. of doct. of law]. Moscow, 1947, 24 p.
3. Chkhikvadze V. M. *Sotsialisticheskii gumanizm i prava cheloveka (Leninskie idei i sovremennost')* [Socialist humanism and human rights (Leninist ideas and modernity)]. Moscow, Nauka, 1978, 304 p.
4. Chehot D. M. *Sub'ektivnoe pravo i formy ego zashchity* [Subjective law and forms of protection]. Leningrad, Leningradski un-t Publ., 1968, 72 p.
5. Sabikenov S. *Sochetanie obshchestvennykh i lichnykh interesov v sovetskom prave: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [A combination of public and personal interests in Soviet law: abstract of diss. of cand. of law]. Moscow, 1969, 16 p.
6. Shaikenov N. A. *Kategoriia interesa v sovetskom prave: pravo kak sredstvo realizatsii interesov lichnosti : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Category of interest in the Soviet right: right as implementer of interests of the personality: abstract of diss. of cand. of law]. Sverdlovsk, 1980, 16 p.
7. Shaikenov N. A. *Pravovoe obespechenie interesov lichnosti* [Legal protection of the interests of the individual]. Sverdlovsk, Ural'skiy un-t Publ., 1990, 199 p.
8. Chkhikvadze V. M. (ed.) and others. *Konstitutsiia SSSR i pravovoe polozhenie lichnosti: materialy konf.* [Constitution of the USSR and legal position of the individual: materials of the conference]. Moscow, Institut gosudarstva i prava Publ., 1979, 174 p.
9. Patiulin V. A. *Gosudarstvo i lichnost' v SSSR* [State and personality in the USSR]. Moscow, Nauka, 1974, 246 p.
10. Bratus' S. N., Andreev V. S., Lepeshkin A. I. and others. *Osnovy Sovetskogo gosudarstva i prava: uchebnyy dlia ped. in-tov.* [Foundations of the Soviet State and Law: textbook for pedagogical institutes]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970, 375 p.
11. Iavich L. S. *Obshchaia teoriia prava* [The general theory of law]. Leningrad, Leningradski un-t Publ., 1976, 287 p.
12. Kuchinskii V. A. *Lichnost', svoboda, pravo* [Personality, freedom, right]. Moscow, Iuridicheskaya literatura Publ., 1978, 207 p.
13. Orzikh M. F. *Lichnost' i pravo* [Individual and law]. Moscow, Iuridicheskaya literatura Publ., 1975, 111 p.
14. Matuzov N. I. *Lichnost'. Prava. Demokratii. Teoreticheskie problemy sub'ektivnogo prava* [Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law]. Saratov, Saratovskiy un-t Publ., 1972, 292 p.
15. Matuzov N. I. *Aktual'nye problemy teorii prava* [Actual problems of the theory of law]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava Publ., 2003, 510 p.

16. Matuzov N. I. Legal idealism as the reverse side of legal nihilism. *Pravovaia kul'tura = Legal culture*, 2013, no. 1 (14), pp. 8–18 (in Russian)
17. Matuzov N. I. The duties of man and citizen as a condition of democracy and social stability. *Pravovaia kul'tura = Legal culture*, 2016, no. 1 (24), pp. 23–33 (in Russian).
18. Khalfina R. O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General teaching on legal relations]. Moscow, Iuridicheskaiia literature Publ., 1974, 351 p.
19. Romanovskii G. B. Human rights in Soviet legal science of the 1970s-1990s. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, 2005, no. 2, pp. 25–28 (in Russian).
20. Romanovskii G. B. Right to privacy in constitutions, law and legal science. *Grazhdanin i parvo = Citizen and law*, 2016, no. 4, pp. 15–27 (in Russian).
21. Mal'tsev G. V. *Sotsialisticheskoe obshchenarodnoe pravo i svoboda lichnosti : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Socialist popular right and individual freedom: abstract of diss. of cand. of law]. Moscow, 1966, 23 p.
22. Ebzeev B. S.; Farber I. E. (ed.) *Sovetskoe gosudarstvo i prava cheloveka: konstitutsionnye voprosy* [Soviet State and human rights: constitutional issues]. Saratov, Saratovskii un-t Publ., 1986, 180 p.
23. Ebzeev B. S. *Konstitutsiia, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniia* [Constitution, power and freedom in Russia: experience of synthetic research]. Moscow, Prospekt Publ., 2014, 336 p.
24. Ebzeev B. S. Constitution, state and personality in Russia: philosophy of Russian constitutionalism. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo = Constitutional and Municipal Law*, 2013, no. 11, pp. 14–23 (in Russian).
25. Gorshenev A. P. *Lichnye konstitutsionnye prava sovetskikh grazhdan : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Personal constitutional rights of Soviet citizens: abstract of diss. of cand. of law]. Saratov, 1972, 17 p.
26. Malein N. S. *Grazhdanskii zakon i prava lichnosti v SSSR* [Civil Law and Personal Rights in the USSR]. Moscow, Iuridicheskaiia literature Publ., 1981, 216 p.
27. Vitruk N. V. Foundations of the theory of the legal position of the individual (to the methodology of the question). *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1979, no. 3, pp. 10–17 (in Russian).
28. Taranov A. P. (ed.) *Konstitutsionnye prava i obiazannosti sovetskikh grazhdan* [Constitutional rights and obligations of Soviet citizens]. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1985, 248 p.
29. Rudinskii F. M. *Teoreticheskie problemy lichnykh konstitutsionnykh prav i svobod sovetskikh grazhdan: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk* [Theoretical problems of personal constitutional rights and freedoms of Soviet citizens: abstract of diss. of cand. of law]. Moscow, 1980, 32 p.
30. Pustobaeva L. A. On the concept of subjective law. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1984, no. 3, pp. 47–54 (in Russian).
31. Kartashkin V. A. *Mezhdunarodnaia zashchita prav cheloveka (Osnovnye problemy sotrudnichestva gosudarstv)* [International protection of human rights (Major problems of State cooperation)]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniia Publ., 1976, 221 p.
32. Kerimov D. A. *Filosofskie problemy prava* [Philosophical problems of the right]. Moscow, Mysl' Publ., 1972, 472 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовский Владислав Георгиевич — ассистент кафедры уголовного права юридического института Пензенского государственного университета, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация; e-mail: up406@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanovsky Vladislav G. — Assistant of Department of Criminal Law, Law Institute, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation; e-mail: up406@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Романовский В. Г. Советская доктрина ограничений прав человека / В. Г. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2019. — Т. 7, № 3 (27). — С. 12–20.— URL: <http://esj.pnzgu.ru>.

FOR CITATION

Romanovsky V. G. Soviet doctrine of restrictions on human rights. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2019, vol. 7, no. 3, available at: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).